

УДК 316.33

© Г. Э. Говорухин, В. П. Чернышев, 2008

СИМВОЛИКА ОСВОЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Говорухин Г. Э. – канд. филос. наук, доц. декан факультета истории и юриспруденции (ФГОУ ВПО АмГПУ); *Чернышев В. П.* – канд. педагог. наук, проф. проректор (ДВГГУ)

В статье рассматривается процесс наделения смыслом осваиваемого социального пространства. Процесс семантизации социального пространства анализируется на примере Дальневосточного региона, где хозяйственное освоение традиционно отставало от политического маркирования.

The article deals with the process of comprehension of the social area under development. The process of the social area semantization is analyzed by the example of the Far Eastern region, where the economic development has traditionally been behind the political marking.

Ключевые слова: социальное пространство, семантика, социальный смысл, освоение, присвоение.

Понимание освоения пространства – это процесс осмысления его результативности и значимости в жизни человека. В условиях современного развития России это еще и процесс активного анализа перспектив дальнейшего существования пространства под эгидой государства. Рассматривая проблемы перспективности развития пространства (региона), исследователи зачастую берут за основу макро- и микроэкономические параметры его эффективности, но не принимают в расчет логику освоения территории. Под этим подразумевается логика целесообразности территории, пространства, региона в жизни человека и государства. Ее смена приводит к изменению объективных принципов работы социальных институтов и влияет на общие характеристики хозяйственного применения его недр (природных и социальных). Изу-

чение же логики, анализ внутренних механизмов развития пространства, позволит оценить степень дальнейшего развития территории.

Наибольшей сложностью в понимании логики, явления, по сути своей абстрактного, становится верифицируемость ее процессов, что, на наш взгляд, можно проделать, анализируя символику освоения пространства. Именно раскрытие проблемы формирования символизации пространства становится целью настоящей работы.

Символизация позволяет организовать пространство. Алгоритм этой организации следующий: социальные взаимодействия (интеракции) формируются как социальная рефлексия на процессы окружающей среды и становятся результатом коллективной картины мира [6, 27, 28, 34]. В результате представление о пространстве становится следствием культивируемой и воспитываемой в процессе социализации системы общих норм его (пространства) оценки.

Символизация пространства, будь то символизация в результате властных отношений или всего комплекса социальных отношений в целом, формируется вследствие коммуницирования людей друг с другом. Сама реальная повседневность жизни полна объектов, «которые обозначают (символизируют – Г.Г.) субъективное намерение моих партнеров, хотя у меня иногда и возникают трудности в связи с правильным пониманием того, что определенный объект «означает»...» [5, с. 62].

Процесс «расшифровки» значения этих объектов – это процесс, который постоянно осуществляется в повседневной реальности каждым человеком. Более того, он связан с процессом интеракции субъектов, коммуницирующих друг с другом. Символизируя и расшифровывая объекты повседневности, каждый человек проходит процесс социализации. В этом случае каждодневный опыт разгадывания того, что означает нож в стене или «валентинка» в конверте, свидетельствует о том, что вся социальная реальность наполнена символикой в той же степени, что и материальными объектами [38].

Процесс разгадывания означает интеграцию человека в определенную социальную среду (что, собственно, и означает процесс социализации), и главное, *de facto* становление человека. Это объясняется тем, что, разгадывая, расшифровывая какие-то знаки, человек должен прибегать к общепринятой знаковой системе, а для этого он должен ее знать. Это означает, что он должен быть включен в транслирующее эти знаки информационное пространство, иначе – быть его (пространства) частью. Последнее условие тождественно процессу обучения или социализации. Иными словами, между символизацией, коммуникацией и очеловечиванием можно и нужно поставить знак равенства. Принимая

это, следует также признать и то, что символизация тесно связана с языком¹, а также языковыми и речевыми практиками, осуществляемыми в границах конкретного пространства. В таком пространстве присутствуют те объекты, которые потом получают отражение в вербальной и невербальной речи.

Именно в рамках текстовой реальности оказывается возможным выявить смыслы, обусловленные заданной ситуацией самого текста (как реальность герменевтического круга Ф. Шлейермахера [36]). Каждый фрагмент такой реальности будет рассматриваться как часть общего. Более конкретно это выглядит так: любой фрагмент социальных отношений, будь то архитектурные изыски городской застройки или формы организации комьюнити, может быть проанализирован в аспекте социальной реальности страны в целом. Таким же образом можно обосновывать письменные и неписьменные свидетельства по отношению к символизации пространства. В этом случае любое упоминание, относящееся к конкретной эпохе и имеющее отношение к пространству, может иметь значение символа той или иной реальности.

Примером сказанному служит рассмотрение и анализ городской застройки в 20-30 гг. XX в. в СССР. Это классический пример прочтения текстовой реальности, к каковой будет относиться все социальное пространство страны. К этому времени «разрушались культурные традиции как города, так и деревни, разрасталась маргинальная культура, незрелая эклектичность» [20, с. 383]. Социальная среда, выступающая той самой текстовой реальностью, организует городское пространство и демонстрирует его в символизме застройки города.

Однако описание пространства может осуществляться различными способами, в том числе и через выражение эмоционального отношения к нему, и через экспертную оценку способов его преобразования. В этом случае, как пишет А. Филиппов, встает необходимость различать «феноменологически подлинный» ландшафт и те представления, которые мы могли бы о нем составить. Любое эстетическое или профессиональное представление о пространстве будет отличаться от объективной реальности ландшафта [33].

Вместе с тем, вопрос эстетической оценки пространства, а также символического его описания – это вопрос не просто стороннего наблюдения, а профессионального деятельностного преобразования простран-

¹ Нелишне здесь напомнить, что существование языка напрямую связано со знаково-символической системой. «Язык – это сложная развивающаяся *семиотическая* (курсив наш – Г.Г.) система, являющаяся специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции...» (НФС, 1998).

ства. В этой связи, описывая военный ландшафт, мы понимаем, что взгляд описывающего (а практически это означает составляющего карты) предопределяется военной службой. Здесь также важно, что взгляд на местность артиллериста отличен от взгляда пехотинца. В этом случае взгляд не пассивен, он вбирает лишь то, на что был направлен вышколенный практикой взгляд [33, с. 10]. Таким образом, уже описание пространства идет в четко заданных коннотативных рядах символической реальности того, кто сообщает нам информацию о пространстве.

Нельзя забывать, что значение символики, как об этом говорил Э. Сепир, в первоначальном значении применяется «только к предметам или меткам, привлекающим к себе внимание» [30, с. 204]. Отсюда, полагаем, наиболее значимым способом отражения символизации пространства выступает аспект той реальности, над которой производится преобразовательная деятельность.

Итак, ясно видимой формой символизации, в том числе и символизации пространства, всегда выступает описание деятельности человека. Или можно сказать иначе: через деятельность человека можно косвенно или прямо выйти на символическую природу пространства. Деятельность как способ осмысления реальности наполнена символическими практиками, указывающими на отношение человека к действительности. Она отражает максимально большой комплекс символических рядов, сквозь призму которых можно разглядеть пространственные и собственно социальные смысловые штампы.

При описании деятельности человека и раскрытии условий обоснования символизации единицей рассмотрения будет являться текст, в котором модусы освящения символической деятельности будут превалировать. Критерием понимания пространства в любом тексте всегда выступает фактор его изменения, облагораживания человеком. Процесс облагораживания пространства, т. е. окультуривание окружающей человека «среды» в течение определенного времени в результате практической деятельности, изначально связан как с изменением представления (сознания) человека, так и с процессом символизации пространства.

Такой же взгляд мы находим в текстах, где даются описания пространства, в которых событийное (деятельностное) участие человека отсутствует. Например, «ехали от одного места до другого» [12, с. 8] в средневековой исторической летописи тоже, что и незаполненное, не прописанное пространство по пути следования из страны геатов в страну данов к дворцу Хеорот конунга Хигелака героя Беовульфа [4]. Это пространство не несет на себе печати символической оценки ни автора, ни, само собой, читателя. Здесь прослеживается еще одна не-

маловажная черта символизируемого пространства – прозрачность. Символика пространства демонстрирует факт того, что оно может быть прописано, обосновано, указано в тех значениях, которые были бы понятны при коммуницировании. Если же пространство не упоминается, то в нем нет тех значимых для собеседников смыслов, которые могли бы быть употребимы в тексте, в свою очередь, это также значит, что это пространство либо не существенно, либо не существует.

Вполне отчетливо прописывается пространство, которое наделено смыслом «забота». Это пространство, где описательная характеристика полна преобразовательной символики, которая выражает необходимость концентрации внимания на конкретном участке огромного пространства. Из всего этого пространства берется только та его часть, которая необходима автору для формирования представления о действующем персонаже. И это такая часть пространства, в котором оно «концентрируется и сгущается настолько, что весь мир помещается... в небольших, но важных, с точки зрения преобразования, участках земли» [24, с. 100]. Например, участок земли, где размещается Хеорот в «Беовульфе» и где воссоздаются события, необходимые для характеристики деятельности героя. Это пространство, наделенное определенными правилами символического управления [16], и которое существует только в правилах такого управления. В целом условия символизации пространства предопределены деятельностью действующего и преобразующего мир героя, при этом формируя поступки самого героя так же, как хронотоп реки, героического пространства-ристаллища предопределяют действия людей – персонажей текстов [3, 16].

Освоение нового пространства, скажем, Дальнего Востока, уже предполагает набор трудностей, без которых это пространство не было бы собой. Любой переселенец второй, третьей и последующих волн ожидает те трудности, которые, с его точки зрения, неотделимы от самого места, куда он попадает. Отсюда во многом символический ряд пространства переселенцев прописан в смысловых штампах. Это штампы типа: «таежный край», белые медведи, гуляющие по городу, большие деньги, северные коэффициенты и прочее, что либо усиливает, либо ослабляет миграционные потоки.

Пространство, преобразуемое символически, также символически и осваивается. Например, чтобы построить город на заре – Комсомольск-на-Амуре необходимо «раздвинуть тайгу» (что показано в гербе города), «выгнать медведей» и зарабатывать деньги. Такая утрированная модель символизации пространства формирует идеологический штамп привлечения населения на стройки города и на облагораживание края. Переселенец, прежде чем переехать на новое место, опира-

ясь на устойчивые символические штампы, предполагает, с чем ему придется столкнуться. Не исключено, что в процессе интеграции в местные социально-территориальные паттерны, этот переселенец начинает понимать, что существует две реальности символизации обживаемого им пространства. Первая сугубо мифологическая, включающая в себя комплекс трансцендентальных смыслов для внешнего по отношению к этой реальности субъекта. Вторая – естественная, привычная, освоенная человеком в том смысле, что «это пространство привычное для меня, т. е. освоенное мной» [35]. Первая реальность предполагает: то, что будет увидено человеком в новых условиях, не типично для человека в его обычном, привычном ему пространстве. Это реальность, разрушающая естественные границы привычной картины мира и требующая нетипичных реакций на происходящие процессы.

Мифологическое пространство – это пространство с привычными границами социальных отношений [22], т. е. все формальные критерии коммуникативного взаимодействия соблюдаются, однако существует некоторое *но*, которое не вписывается в привычную для обывателя реальность. Это *но* устраняется формальным «отсеиванием» не вписываемых в привычную реальность смыслов. Классической схемой такого отсеивания становится маркирование знания о пространстве в выражении «может да, а может, нет» [13]. Все три фактора позволяют составить общий смысловой ряд о пространстве, согласуясь с ожидаемым гносеологическим представлением обывателя. Любой обыватель понимает себе пространство Дальнего Востока, согласуясь, естественно, со своим здравым смыслом. И принимает его в фокусе смысловой конвергенции собственной культуры (пространства) и культуры (пространства), в которой представления о происходящем осуществляются на глазах и достоверно известны. Скажем, житель Вологодской области XIX в., предпринимая путешествие на Дальний Восток, в ходе этого путешествия, а главное, в процессе собственно интеграции меняет представление (смыслы) о пространстве. Отсюда происходит трансформация смысловой реальности обывателя и включение его в смысловую реальность социальных отношений того пространства, куда он попадает, в данном случае, Дальнего Востока.

Путешествие Энея, описанное Вергилием – это символический каркас освоения пространства. В этом случае критерии естественности пространства напрямую связаны со структурой легитимного оформления власти на данной территории. Ведь Эней не просто ищет землю, где может пристать и освоить город, он предпринимает поиск пространства, в котором власть и традиции разрушенной Трои станут легитимными,

законными для богов и потомков. Наиболее естественным условием за столбить территорию было строительство на этой территории поселения, города, но это же означает и трансляцию привычных символов власти. В этом случае символы «институтов» власти, которые несли с собой переселенцы, и которые (институты) были выражены лишь в символике перевозимых материальных объектов, например, лары и пенаты античного времени, или иконы и семейные реликвии времен заселения Дальнего Востока, получают реальную почву.

Символика пространства накладывает на человека отпечаток определенных процессов, происходящих в этом пространстве. Понимание этих процессов позволяет ожидать те или иные явления, которые в рамках другого пространства не естественны, и не принимаемы. Это четко просматривается в перверсиях мифологического мировоззрения, определяющего критерий возможности осуществления событий.

Мифологическая символика всей территории государства оказывается востребованной в локальном конкретном месте. Это место начинает рассматриваться сквозь призму принятой установки всего государства, но может нести на себе отпечаток и собственных уникальных символов. В таком случае (и уникальности, и распространенности сакральной идеологии государства) текст, в смысле нарративного авторского изложения, не воспринимается изолированно от реальности географического пространства. Он полностью его «реферировать», перенося знаки текста в реальный мир и одновременно формируясь за счет этих знаков. Такой текст – сам часть мифологического пространства, поскольку производит трансляцию символической реальности, без какой бы то ни было другой коннотативной рациональной адаптации. Иначе говоря, автор текста констатирует для читателей с иным типом мировоззрения естественные для него события, воспринимаемые им как часть реального мира. Отсюда читателю он представляется неотъемлемым «продуктом» описываемой им реальности.

Пространство, как мы уже говорили, само символично и предопределено возможным видением тех символических объектов, которые находящийся в этом пространстве допускает. Допущение объектов, событий в целом явлений определяется степенью готовности обывателя к тому, что он может увидеть. Например, сакральное пространство того же Гомера или Павсания [26] будет отличаться от сакрального пространства Моисея. Они сформированы в ином символическом ключе и соответственно имеют разные принципы символизации. Детализация и практически полная ясность действий трансцендентальных персонажей Гомера и Павсания делает пространство, в котором они существуют, предельно описанным.

Нарратив (в данном случае, повествование о событиях, реальных автору) и символика социального пространства в древности тождественны, значит, реальное пространство, как оно понималось авторами текстов, было максимально наполнено символически выверенными объектами. Буквально это означает, что налицо та же формула: символ = объект = пространство. Там, где есть объект, а он по определению символичен, там есть пространство, которое может быть заметно, т. е. это пространство существует. Однако пространство Моисея (собственно пространство с религиозной символикой) мало освоено, максимально закрыто как от читателя, так и самого автора. В таком пространстве больше вопросов, чем ответов.

Вместе с тем, оно также символично, но это символика пространства Бога, априори недоступного человеку. Об этом замечательно говорит Э. Ауэрбах: «После сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: «Авраам!» – Он сказал: «Вот я». Уже это начало вызывает наше недоумение, если мы занимаемся им после Гомера. Где пребывают собеседники? Это не сказано. Но, конечно, читатель знает, что оба они не всегда находятся на одном и том же месте на Земле. По крайней мере, один из них, Бог, должен был появиться откуда-то, внедриться в земное из каких-то своих высот или глубин» [2, с. 11].

Из этого отрывка можно вывести заключение о различности условий символизации пространства. Пространство Бога, очевидно, где-то есть, но оно не оговаривается и существует только по умолчанию. Более того, с появлением Бога в тексте, также по умолчанию, начинает описываться и иное пространство – именно потому, что это также пространство, в котором находится Бог. Важен, само собой, не вопрос определения того, что есть этот Бог, или формальные критерии его определения, важна общая схема описания символики пространства. Само собой, эта схема предопределена условиями авторского понимания того пространства, которое им описывается. Пространство объективируется в тексте, если оно включает в себя все значимые – с точки зрения принятой картины мира – объекты. В этом случае действия, жизнь, внешние проявления мифологических богов осуществляются в физическом пространстве автора. По этой причине пространство описываемых автором Зевса и Посейдона, становится зримым. Обратим внимание на освоение реального пространства в XIX в. «Матросы выстроились в две шеренги; я, подняв флаг, встал перед ними. Скомандовал: шапки долой! Невельской приказал спеть молитву. Команда запела молитву «Отче наш», потом спели «Боже царя храни», раздалось русское ура, откликнувшееся на корабле, и Сахалин сделался русским владением» [8, с. 28]. Освоение пространства проходит по схеме со-

ставления религиозного текста. Откуда пришли русские матросы, зачем они пришли – все остается за гранью понимания аборигена, наблюдающего эту картину. Принципиально то, что вся символичность высадки была освящена призывом к Богу. «Отче наш» и «Боже царя храни» демонстрируют сакральность происходящего.

Определение пространства сегодня будет проходить в том же ряду принятых современной автору-исследователю или авторам-исследователям, картине мира. Например, процесс картографирования включает в себя четко фиксируемые картографом объекты, имеющие отношение к осваиваемому пространству. Причем эти объекты, если иметь в виду процесс картографирования с XIX в., имеют хозяйственное назначение. Скажем, населенные пункты, которые хотя бы формально представляют хозяйственное поселение, получают отражение на карте в том случае, когда такая хозяйственная деятельность уже закрепляется в реестре социально необходимых действий. Например, земледелие, охота (вне зависимости от того, насколько возможно заниматься этим в данных условиях). Ведь люди приехали на данную территорию, чтобы заниматься именно этим [19, с. 246]. В противном случае такое поселение утрачивает свое назначение и покидается, а его жители ведут освоение территории в другом месте, где условия для хозяйственной деятельности более благоприятны.

Таким образом, пространство без объектов – это пространство, непрозрачное для автора-исследователя, но не только. Если провести параллель с сакральным пространством религиозной картины мира, то можно предположить, что объективным трансцендентным основанием в случае реального пространства выступает вся система хозяйственного взаимодействия. Так же, как и Бог в религиозном пространстве ветхозаветных авторов, система хозяйственного взаимодействия тотальна. Эта система доминирует над пространством и объективирует его. Иначе говоря, там, где присутствуют объекты хозяйственного назначения, появляется потребность описать принципы их взаимодействия, т. е. ввести символику их пространственного соответствия друг с другом. В этом случае речь идет не просто о преобразовании пространства и описания того пространства, которое прописывается в хозяйственной деятельности человека, о чем говорилось выше, а о пространственном символе. Пространство здесь является символическим отражением связей между объектами. Оно демонстрирует, что объекты каким-то образом связаны друг с другом, в противном случае не возникает понимания *системности* хозяйственной деятельности. Пространство – это пунктир, линия от одного объекта до другого. Причем, зачастую линия, если на ней не указываются конкретные объекты, является сим-

волической лакуной, т. е. просто ничем не заполненной линией. На фоне этой незаполненности можно выразить значимость тех мест, в которых присутствуют важные объекты.

Идеология единого производственного пространства естественна для современного государства даже в большей степени, чем в древности. Такое пространство включает в себя не фрагментарную деятельность исторических персонажей, которая в комплексе может составлять, например, историю славы Рима. При этом символика такого пространства зависит от коннотативной оценки деятельности того или иного императора и составляет единый комплекс всех объектов, составляющих индустрию государства. Этот комплекс не персонифицирован с сакральной мощью харизматической личности (как, например, это было еще не так давно с личностью Сталина). Он един и является достоянием того пространства, которое имеет отношение к обществу.

В этой связи, говоря о пространстве Дальнего Востока, нельзя говорить о его локальности в хозяйственно-экономическом пространстве государства. Идеологическая символика в том и другом пространстве (Дальнего Востока и всей России) – одно, но символика социальной рефлексии на это пространство, без сомнения, различна. Хозяйственная идентичность предопределена тем, что реальный объект хозяйственной деятельности – завод – равен пространству, на котором он стоит, фактически, он подменяет собой это пространство. Без такого завода, так же, как и без Бога средневековья, пространство вряд ли получило бы отражение в тексте (на карте). Объекты (завод, поселок, дорога, нефтепровод) – это лишь единицы общей хозяйственной системы, которая держится автором, исследователем, картографом в своей голове, опять-таки, по аналогии с религиозной картиной мира, где Бог «держится» в голове автора и формально организует описание пространства. Однако символика различия определяется самой социальной структурой общества, проживающего на конкретной территории, а она (структура) различна.

Исторически всякое строительство поселения, города осуществлялось при соблюдении определенных ритуалов. Фактически заселение территории происходило в момент «предугадывания» самого пространства, которое стоило бы легитимировать, освоить. Предугадывание восходило к традиции поиска значимого пространства. Это было и в странствиях Энея, и в поисках земли для поселения Кадмом [1, с. 51], и разыскивании земли обетованной Моисеем и т. д. Герой не просто осваивал территорию, он стремился предположить, где такое пространство может быть, т. е. как бы предугадывал его существование. При этом территория заселялась как раз в тот момент, когда осуществлялся процесс понимания того, что именно эта часть территории при-

годна для жизни. Во всех таких случаях поиск пространства представлял собой поиск того места, на которое указывал некий ключ-дешифратор – трансцендентальный персонаж, демиург, способный увидеть финальную стадию действий героев. В случаях мифических и религиозных текстов это либо Бог, либо оракул, говорящий от имени Бога а в случае, освоения исторического пространства Дальнего Востока – это власть, руководствующаяся логикой целесообразного развития государства. Такой логикой в последнем случае становится создание «Дальневосточного щита» России.

Логикой прагматизма, полезности обосновывается продуктивность и целесообразность освоения пространства, которая провозглашается властными институтами. Такая логика для обывателя, малосведущего в процессах внешней политики государства, столь же трансцендентна, как и логика вещающего мифического оракула. Символический ряд освоения пространства, таким образом, и в случае эпического, и исторического заселения территории очень близок. По крайней мере, близки сами символические аспекты модели такого заселения.

Полагаем, что схема заселения (освоения) пространства проходит в несколько этапов: прежде всего, указание определенного места, которое необходимо найти. Это героический этап. Ожидаемые трансцендентные (мифологические) символические ряды пространства представляют собой обобщенный образ пространства для всех внешних наблюдателей. Где бы ни жил такой наблюдатель, в каком бы городе, крае, республике ни находился, его представление о пространстве будет типичным всякому представлению того, кто не знаком с этим пространством близко [33]. Например, это может быть образ (штамп) о климате места (на Дальнем Востоке всегда холодно), о геополитической ситуации (это там, где рядом Китай, который сливает в реки какую-нибудь гадость), о пространстве в целом (болото, лес, мало людей, необжитое).

Такая символика пространства формально экстраполируема на пространство Гомера, Вергилия и др. Она позволяет создать идеологический каркас героической летописи первопроходцев-переселенцев, и тем самым предложить романтический образ этого переселенца. Такой образ был создан в годы строительства Комсомольска-на-Амуре, Днепрогэса, БАМа, и так далее и представлял собой эпическую сагу о том, как люди героически преодолевают трудности, связанные с силами природы. Как правило, современная сага представляет собой биографический нарратив очевидца каких-нибудь событий². Это своеоб-

² Классическим примером такого нарратива от первого лица является описание истории города со слов первостроителей. Такая рубрика достаточно популярна в органе печати муниципальной

разная PR-акция места, которая либо демонстрирует «победу человеческого духа» над силами природы, либо является ретроспекцией героических событий, ставших причиной появления нового «современного» культурного пространства [32]. Эпос имеет в современных условиях чисто практическое значение – привлечение на осваиваемые территории волонтеров и оптимизацию деятельности населения уже прибывшего. В результате символика нового пространства приобретает героический вид.

Дискурс, о котором идет речь, – это дискурс пространства тех, кто создает, формирует, строит, и других, которые это объективно принимают как очевидно существующее, такое, какое оно есть. Совершенно ясно, что объективной реальностью здесь выступает целый комплекс мер, предпринятых для исторической легитимности пространства. Достаточно интересно выглядит тот факт, что на момент освоения территории символическое поле этой территории только формируется, а понимание освоенности этого пространства осуществляется в тот момент, когда традиции его нахождения вполне легитимны. Таким образом, процесс поиска места – это условие формирования прогностической схемы социальных отношений данного географического пространства, зафиксированного в формирующихся традициях территории. В этом случае вполне естественно, что определенное место является условием допустимых границ властных отношений. Властные структуры оказываются дееспособны именно в том территориальном пространстве, которое этими структурами выявлено и обозначено. Таким образом, определяя границы своего воздействия, власть (легитимные институты власти) выявляет/ют все остальные пространства, на которых она/они не действует.

Освоение пространства осуществляется в процессе «застолбления» территории, например, строительства города или вообще любого другого населенного пункта. Для населения, которое живет в этом городе, вполне очевидна значимость строительства города, так же, как и очевидна важность того, что именно в этом месте благополучно разрешился поиск необходимого для поселения пространства. Этот поиск не только целесообразен (поскольку город уже стоит), но и позитивен (ведь людям нравится в нем жить). Создание позитивного смыслового ряда целесообразности строительства в этой героической стадии уже предопределено. Это можно разъяснить так: поселение, которое было

власти города Комсомольск-на-Амуре – газете «Дальневосточный Комсомольск» («ДВК»). Основная ценность такого рода наррации – создание единого символического пространства между поколениями первостроителей и современной молодежью. Формально такая задача является частью идеологической программы местных органов власти, и она поддерживается средними и старшими (от 40 и выше) возрастными группами населения города.

заложено, но в котором впоследствии не живут, или которое не имеет в истории страны важного значения, исчезает из исторической памяти. Остаются только значимые, по крайней мере для местных жителей, поселения. В этом случае, если не брать в расчет современные способы трансляции и сохранения информации, то всякое осваиваемое пространство (как пространство, сохраненное в истории) результативно. Результативен, таким образом, либо совет, поданный Богом – оракулом, либо действия, предпринятые властью.

Однако мы неслучайно упомянули о способах трансляции и способах сохранения информации, благодаря которым отрицательные результаты освоения пространства также становятся известными. Но это происходит только в том случае, если институты, призванные сохранять легитимность демиургов, дают сбой, и идеологическая система перестает дозировать информацию для населения. В то время, когда система начинает включаться, восстанавливаться, информация о «брошенных» поселениях вновь получает позитивный оттенок. И возникают объяснения типа: «город опустел по причине вражеского нашествия (он задержал врага, т.е. выполнил свою цель), выработки ресурсов (потерял свою ценность, после того как принес пользу) и пр.».

Следующим шагом по освоению пространства выступает его заселение, т.е. собственно строительство поселения. Второй шаг приводит к реализации «проекта» окультуривания пространства. Теперь пространство не только осмысливается, что делается с целью поиска «мест оседлости», но и формируется, создается. Именно с этого момента строительства поселения создается новая символика социальных взаимодействий пространства, которая прописывается в тех методологических подходах, которые мы определили в предыдущем параграфе. Таким образом, именно на данной стадии это пространство становится прозрачным именно для социальных дисциплин, в том числе социологии.

Символика строительства города, возведение населенного пункта – это система формирования властной риторики территории. Кратологическое оформление пространства проявляется в закладке площади постройки будущих зданий, проведении борозды под строительство крепостной стены, строительстве частокола или оборонительного вала. Все это отражается в топонимике социализируемой территории и получает отражение в официальных сводках. Это достаточно важный момент адаптации населения к территории. Например, в официальных сводках перестает упоминаться болото, лес, поляна и прочее, но фигурирует то, что было возведено на их месте – завод, театр или что-нибудь вроде этого. Объективно теперь пространство, в котором живет

человек – это не естественный природный ландшафт, а те социальные и промышленные объекты, которые артикулируют место его жизни.

Отсюда символизация пространства по «официальным источникам» преимущественно социальна. Кратос стремится символизировать только то, что будет иметь отношение к социальной реальности, и именно вокруг этой реальности будет создаваться властный дискурс. Однако неофициальные (неформальные) референции о пространстве содержат упоминания о нем, что называется, до социального происхождения. Например, в городе Комсомольске-на-Амуре до сегодняшнего дня сохраняются устойчивые «неформальные» этнонимы без названия, т. е. без социального маркирования места: «болото», «Дземги» – один из возможных переводов с нанайского – «березовая роща» и «его дом» и пр. Заметим, это именно вообще болото, а не болото, получающее название, или вообще березовая роща, а не четко социально «реферированное» место. Однако официальные источники, скажем муниципальный орган печати (газета «Дальневосточный Комсомольск», или государственная телерадиокомпания «Комсомольск») в своих сводках не упоминает эти места *вообще*. Они они за границей социальных репрезентаций пространства.

Символизация пространства – конкретного поселения – осуществляется именно в тот момент, когда возникает идеологический центр города, поселения – храм, дворец, и когда возникают критерии престижности района, создается символика Демиурга в вертикали (шпиль, башня, пирамида и пр.) распределение улиц, символика их расхождения по горизонтали. Символика такого пространства отмечается эмблемой, гербом, флагом, значимым зданием и т. д. [29]. Важным условием символичности пространства становится то, что оно собственно и является уже властью, которая изолирует человека в границах определенного места.

Символизация пространства – процесс четкого разделения социальной и природной сферы реальности мира. И такое разделение проходит по границе символического разлома, определяемого кратосом. Власть четко фиксирует, что имеет отношение к обществу, более того, фиксирует значимые для нее системы социального взаимодействия. В социологических терминах это можно обозначить так: в пространстве субъект-объектных отношений властного взаимодействия сохраняется только то, что имело бы смысл в этих отношениях. А это, собственно, и есть социальная реальность, поскольку каузальное взаимодействие субъекта и объекта осуществляется только в социальной сфере. В этой связи изолируется все, что вписывается в систему смыслов властного дискурса. Способ изоляции выбирается системой властного взаимо-

действия и позиционирует всех людей либо как вписывающихся в обозначенное символическое пространство, либо как чужеродных. Иначе говоря, человек понимает или не понимает язык властных «преференций». Значимым здесь становится то, что, либо те вертикальные и горизонтальные символы поселения должны быть человеку понятны, либо не понятны. От этого зависит его «изолированность» в символике социального пространства. Очевидно, что если он не «читает» язык символов, вписанных в городское пространство, то он не принадлежит той реальности, которая определяется границами этого города. Более широко это обнаруживается в рамках государства, где также можно уметь читать символы, т. е. принадлежать социальной системе, включенной в данное пространство государства, либо не читать символы и, как следствие, не принадлежать такой системе. Таким образом, символизированное пространство на втором этапе само предопределяет интеракции акторов, фильтруя участников этих интеракций.

Наконец, третьим шагом по освоению территории выступает формирование традиций поселения, обеспечивающее коммуникативное символическое пространство (то самое поле, которое может быть рассмотрено как ореол стабилизирующих факторов, ограничивающих передвижение населения). Традиции поселения четко выражены в хабитуарных (от хабитус [9, с. 52-65] «опривыченных») отношениях человека, готового действовать определенным образом. К числу таких традиций может принадлежать выработанный ритм жизни поселения, система ценностных восприятий мест поселения, т. е. все, что могло бы влиять на систему коммуникации в населенном пункте. Традиции такого рода свидетельствуют о приживаемости актора в границах конкретного пространства и создают формальные, символические условия оседлости населения в этом пространстве. Фактически речь идет о создании сдерживающего фактора на передвижение людей даже в пределах одного государства. Объективно это выглядит так: человек, привыкший в границах определенного пространства к определенному рода действиям, очевидно, не адаптирован к тем действиям, которые практикуются в *правилах* другого пространства. Эта модель логического отсечения всего лишнего показывает, что, принимая одно (в данном случае образ жизни в одном пространстве), я отрицаю все остальное (модели поведения, принимаемые в другом пространстве). Такая модель как нельзя лучше характеризует условия символизации пространства, осуществляемые в третьем шаге.

Говоря о правилах, необходимо, отсекая все лишнее, говорить о тех социальных действиях людей, которые четко отражали бы ковенциальность отношений внутри пространства. Эти отношения порож-

дают, выражаясь языком Э. Гидденса [37], кодифицированные интерпретации правил, а не правила как таковые [15]. Иными словами, акторы в переговорах, в коммуникативных взаимодействиях, рутинных операциях используют типичные схемы поведения. Значение здесь имеет то, что в типичных схемах поведения «защита» символика успешности действия.

Очевидно, что апробация эффективности социальной модели поведения, или, иначе говоря, модели, приносящей желаемые плоды, осуществляется постепенно в ходе включения человека в интерактивные сети. А эти сети, в свою очередь, являются частью символизации пространства, о чем говорилось выше. Таким образом, символизация пространства в ходе формирования традиций представляет собой определенные (символические) операции людей (сформированные на основании социально сетевых интеракций), возникшие и принятые в течение многих лет. Это можно обнаружить на примере рассмотрения самой социальной сети, куда входили бы жители Дальнего Востока. Во-первых, длина такой социальной сети будет значительно больше, чем на территории запада России (30 человек против 7-8) [7]. Во-вторых, в такую социальную сеть будут входить максимально большое количество людей из различных областей деятельности – от врачей до представителей криминальных структур. Такое взаимодействие и оказывается наиболее эффективным в условиях Дальневосточного региона. Система взаимодействия сложилась исторически и сегодня представляется вполне традиционной, даже если процентное соотношение представителей криминальных структур в сети еще в советские годы было меньше чем сейчас, то их отсутствие компенсировалось «доставалами» и «фарцовщиками». На основании таких сетевых отношений долгие годы составлялась модель комфортного существования жителей региона. И само собой, такая социальная сеть является вполне традиционной для формирования привычной жизнедеятельности человека.

Библиографические ссылки

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Пер. В. Г. Борухович. М., 1993.
2. *Ауэрбах, Мимесис* Э. Изображение действительности в западно-европейской литературе. М.-СПб., 2000.
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. *Беовульф* // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания М., 1995.

6. Бляхер Е. Д., Волынская Л.М. «Картина мира» и механизмы познания. Душанбе, 1976.
7. Бляхер Л. Е., Левков С.А. Концептуальные основания региональной социальной политики. Хабаровск, 2005.
8. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853-54 гг. Дневник 25 августа 1853 г.-19 мая 1854 г. СПб., 1872.
9. Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices / The Logic of Practice. Polity Press, 1990.
10. Вергилий. Энеида // Собр. соч. СПб., 1994.
11. Видаль-Накэ, П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире М., 2001.
12. Виллардуэн Ж., де. Завоевание Константинополя. М., 1993.
13. Витгенштейн Л. Лекции. Кембридж 1930-1932 по записям Дж. Кинга и Д. Ли // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.
14. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
15. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations. Oxford: Blackwell, 1972.
16. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
17. Гомер. Одиссея // Илиада. Одиссея. Кн. 3, 4. М., 1967.
18. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
19. Замятин, Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.
20. Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М., 2004.
21. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. – СПб., 1998.
22. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
23. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.
24. Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
25. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998.
26. Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
27. Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966.
28. Планк М. Позитивизм и реальный внешний мир // Вопросы философии. 1998. № 3.
29. Савенкова В. Н. Топонимика г. Комсомольска-на-Амуре 30-50-х гг. XX в. как властная технология закрепления городского пространства // Город «Х»: провинциальные города России (теоретико-этнографические исследования). Хабаровск, 2003.
30. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001.
31. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
32. Уорнер У. Живые и мертвые. М.-СПб., 2000.

33. *Филиппов А. Ф.* Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [Ресурсы Интернет] Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html#_ftnref1, 25.03.2005.
34. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
35. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
36. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб., 2004.
37. *Giddens A.* Elements of the Theory of Structuration / The Construction of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
38. *Searle J.* The Construction of Social Reality. New York, Free Press, 1995.